

Миф как тактика прямого действия: понятие, структура, функции

Алейников Артем Юрьевич

аспирант

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

e-mail: aart1@mail.ru

Введение. Социальные исследователи отмечают важное различие между целями действий — когда индивид преднамеренно что-то делает — и непреднамеренными последствиями, к которым действия приводят. Следуя этим путем, можно многое узнать о развитии обществ. Так, большинство крупных перемен в истории было, вероятно, непреднамеренными. До революции 1917 года различные политические группы в России пытались свергнуть существовавший режим. Однако ни одна из них, включая партию большевиков, в конце концов, пришедшую к власти, не смогла предвидеть реально произошедший революционный процесс. Ряд незначительных напряжений и столкновений породил процесс социальных трансформаций, оказавшийся гораздо более радикальным, чем кто-либо мог ожидать.

Непрерывность перемен в общественной жизни можно представить в виде “смеси” преднамеренных и непреднамеренных последствий человеческих действий. При этом, вычеркивая из возникшей дихотомии одну из “переменных”, появляется возможность детального изучения второй составляющей. Это обуславливает необходимость пересмотра уже имеющихся формальных инструментов анализа “действия” и на базе этого создание качественно новых механизмов исследования данного феномена.

В результате в качестве базовой единицы в исследовании выступает не дискурсивное сознание, а *миф*, понимаемый как сила, объединяющая людей в общность и направляющая их в сторону действия, сила, неподчиненная рассудку, но воплощающая стихийные выражения человеческих потребностей. Миф уже не сравнивается с реальностью, а воплощается в ней. Он становится более существенным; и обладает большей ценностью, чем сама реальность.

Однако миф не находит истинного своего отражения в политической науке. Его склонны использовать психологи, антропологи, культурологи, философы, но не политологи. Проблема заключается в том, что понятие мифа “избыточно для классической политологии”. Оно оказывается слишком общим и неопределенным для проверки через систематическое исследование политического поведения. Его место занимают более “совершенные”; институционально оформленные категории, такие как “политическая культура”, “политическая социализация”, “политическое сознание”, “политические ценности”, “политические установки” и т.д., где миф — это их производная, дополнительный эмпирический материал, представляющий (может быть) интерес для исследователя своим смысловым содержанием или источником формирования.

В то же время мало кто обращает внимание на конкретные механизмы воздействия мифа, его влияние на общественную активность, поведение субъектов политики. Хотя последнее является одним из возможных направлений, позволяющих обозначить мобилизационную направленность социума, заставить его пройти через неизбежно долгий, тягостный процесс “ломки-и-строительства”.

Методология. Одной из особенностей мифа является то, что он не имеет жесткой иерархии, его понятие оказывается достаточно аморфным, что заставляет большинство исследователей сконцентрировать свое внимание на изучении отдельных его конструкций; рассматривать миф как некую *целостность, обладающую сложной структурой, каждый элемент которой выполняет определенные функции*, удовлетворяющие потребности конгломерата.

Тем не менее, *структурно-функциональный подход* в изучении мифа получает наибольшее распространение в 50-60-е гг. XX века и связан с работами французского антрополога К. Леви-Строса, сосредоточившего свое внимание на описании логических

механизмов мифологического мышления, признавая, что миф есть одновременно и внутриязыковое и внеязыковое явление, отражающее социальные структуры общественных отношений: деятельность элементов программируется общей структурой их организации, занимаемыми ими позициями и выполняемыми ролями.

Результат. Миф создается социумом на уровне фундаментальной потребности, для ощущения психологической защищенности. Он предстает в качестве семантического поля, на котором человек встречается с реальностью. Сама структура человеческой личности выстроена на мифе. Социум берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная гамма, базирующаяся на тех впечатлениях, душевных переживаниях который несет в себе отдельный человек.

Основными структурными компонентами мифа выступают функция и сюжет.

Функция есть основополагающая мифа, элемент вокруг которого разыгрываются события. Ее отличительной особенностью является то, что она одновременно и существует и нет. Функция оказывается чувственной идеей мифа. Именно это позволяет ей присутствовать в любом относительном различии и тем самым вбирать в себя все сюжеты. Функция мифа — это чистое содержание; константа, которую можно интерпретировать бесконечным количеством способов.

С этой ролью успешно справляется *сюжет* — переменная, позволяющая раскрыть мобилизационный потенциал мифа. Именно в сюжете происходит стирание границ между антагонистическими началами и выработка совершенно новой, идеальной модели существования социума.

Сюжет — ситуативен. Он осуществляется не просто во времени, но в пространстве-времени. Сюжет это то, что “истекает”. В нем сосуществуют единственность и временность так, чтобы к нему не примешивалось ничего, кроме него самого, никакое другое содержание, “употребленное” в другое время и при других обстоятельствах. В противном случае возникает альтернатива: либо осознать время (а, следовательно, и пространство); либо пытаться абстрагировать сюжет от существующей действительности: вырвать его смысл из времени и гарантировать ему неизменный статус.

Последнее может привести к такому явлению как инфляция языка, которая означает, что человек, сделавший в момент времени t_2 некоторое высказывание, прогноз или обещание, достигает меньшего понимания или согласия и у меньшего количества слушателей, чем в момент времени t_1 . Попросту говоря, инфляция языка проявляется в том, что сказанное все чаще остается не понятым или поставленным под сомнение. Это приводит к развитию негативной мобилизации, находящей свое отражение в разнообразных формах социальной деструкции: апатия, депривация, деградация и т.д.

Анализ вариантов проявления сюжетных единиц, их реализация на практике позволяет выделить в *структуре сюжета* три основных элемента: “реальное”; “идеальное” и “чувство причастности”, сочетание которых образует трехмерное пространство мифа, включающее в себя восемь мифомоделей.

Литература

1. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 2. С. 153-164.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология М., 2001.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1995.
4. Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
5. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements, Collective Action, and Politics. New York, Cambridge, 1994.
6. Нечаев В.Д Теория политического мифа: перспективы интеграции в политическую науку http://liber.rsuh.ru/Conf/Newrussia_polit/nechaev.htm
7. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>.